

Антон Сальников

Как рушится надежда

16+

Антон Сальников

Как рушится надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58991726

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга заставляет задуматься о состоятельности современных устоев и правил. Неужели человечество вопреки всем своим достижениям обречено так и не познать истинное значение слова гуманность? В реальном мире нет места для тех, кто не вписывается в выдуманные стандарты. Единственный шанс выжить в подобной среде – обрести любовь. Именно так и поступает главный герой. Он дарит искреннюю любовь с присущей ему самоотдачей и жертвенностью, в благодарность за что получает куда больше, чем мог бы отдать. Он получает саму жизнь...

Содержание

Внутренний голос	5
Старый друг	8
Скрежет	13
Позови меня	23
Побег	26
Остаемся	34
Новая жизнь	42
Дом	46
Инстинкт выживания	50
Последний поцелуй	61
Разлука	65
Заточение	75

АНТОН САЛЬНИКОВ

Как рушится надежда

Человек, который прижат к стене либо круто меняет жизнь на 360, либо погибает.

Посвящается тем, кого мы любим, но кого нет с нами рядом

Внутренний голос

Как по мне, так сама только идея разговаривать с внутренним голосом граничит с безумием, что уж говорить о ее реализации. Только самые настоящие безумцы в наше время способны отречься от общественного мнения в пользу своего внутреннего я. Возможно, так я и думал, пока однажды сам его не услышал. В то время я был абсолютно беспомощным, никто из моего окружения не желал поддержать меня в трудной ситуации. В этом и заключалась самая главная ошибка в моей жизни: я ждал помощи. Почему вдруг я сам себе вдолбил в голову, что люди должны помогать друг другу, что общественный строй, это не артефакт доисторических диких времен, а опора человечеству? Грезы о светлом будущем зашли так далеко, что даже сам себе я не был в состоянии помочь, поскольку тот самый внутренний писклявый крик подавлен низким уровнем самооценки. Хорошо отлаженное неравенство социальных слоев долго и упорно проходило практику с опытами над живыми людьми, результатом чего стало доведение машины по ликвидации личности до совершенства. Желание подняться в глазах себе подобных как будто на каких-то статусных качелях, то есть за счет понижения другого члена прайда, потеряло статус варварского и перешло в разряд обыденности. В то время я побоялся бы даже заикнуться о несправедливости, не то,

что пытаться бороться за правду и свободу от оков общепризнанной позиции. Но все изменилось однажды, когда еле слышимый дискант плавно перетек в уверенный баритон, который пропоеет эту историю...

До того, как я почувствовал первый прилив жгучего коктейля из собственной правоты и уверенности, приготовленного по лучшему рецепту эндокринных желез, я был обычным офисным планктоном. Средой обитания по праву считается бассейн нечистот человеческой души. Я был даже не живым существом, скорее тряпкой с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ», затертой туфлями моих коллег. Другими словами, я знал размер обуви чуть ли не каждого работника, у которого хватало наглости потакать стадному инстинкту – давить самого слабого в стае. Частым клиентом по повышению собственной значимости за счет моего унижения был начальник отдела, вожак этого сброда. Смазливый гавнюк, получивший кресло благодаря папаше, завел такую привычку, как выливание помоев на одного конкретного подчиненного. Надо отдать ему должное, он сумел построить безотходное производство, другими словами, когда сотрудники способны пожирать все дерьмо, вышедшее из клоаки между подбородком и носом.

Именно за то, что я сделал с предводителем прайда, меня и посадили на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Видимо папенькин сынок пожаловался куда следует, незамедлительно после грандиозного события в

очередной вторник пять с половиной месяцев назад. А ведь я просто сказал правду. Скорее всего, именно тогда первый раз я прислушался к внутреннему голосу. Выкинул в лицемерные морды жгучую смесь истины с пристрастием. Я взорвался, не смог столько лет безответно впитывать в себя яд человеческой природы. Это была бомба замедленного действия, и единственный ее недостаток заключается в том, что рано или поздно она все-равно взорвется. На пике нервного срыва я выкрикивал откровенные гадости в адрес окружавших меня на тот момент, опрокинул кулер с водой, раскидал отчеты, лежавшие на трех ближайших столах, с угрозами и со степлером кинулся на начальника отдела. Я мечтал закрыть этот паршивый рот раз и навсегда, и у меня это почти получилось. Одну скобу я успел вставить засранцу в верхнюю губу. Я бы мог и продолжить, все, кто столько лет с пристрастием полировал эту задницу, попытались убежать при первой же возможности. Совру, если скажу, что меня остановила оперативно сработавшая охрана, я остановился гораздо раньше, когда увидел выступившую кровь. Да, это было очень опрометчиво, но черт возьми, как же это было по-настоящему. Столько правды за такой короткий промежуток времени стены офиса не слышали за все время существования. И какова цена? Новая тема для разговоров, слегка подмоченная репутация, еле заметный шрам на губе, жалкая попытка противостоять элитным юристам в суде и одна ничего не стоящая разрушенная жизнь.

Старый друг

В голове плотно засели вновь и вновь повторяющиеся вопросы лечащего врача. Альберт – неплохой парень, даже чем-то симпатичен мне, но он так же, как и я не в силах противостоять системе. Он, как и я слишком слаб. Иронично судьба подкинула такому врачу меня в качестве пациента. Никто так громко не смеется, как сама жизнь. Но если быть предельно честным, у нее дерьмовый юмор. Два труса по разные стороны баррикады, а вместо оружия – зыбкие ничтожные слова. Это самое жалкое противостояние, которое можно только представить. Здесь даже не помогут голливудские спецэффекты с присущими им помпезностью и любви к разрушению.

Вопросы, которые каждый доктор данного заведения обязан задать во время утреннего обхода своим пациентам, жесткий контролирующий режим, железная дисциплина и распорядок дня – вот всадники апокалипсиса этого круга ада. Полагаю, что Данте слишком хорошо знал это место, раз уж решил не появляться здесь и о чем не забыл не упомянуть в своей Одиссее по преисподние. До того, как я попал в обитель самого люцифера, я думал, что Джордж Оруэлл параноидальный шизофреник. Теперь дурная мысль прошла, уступив место понимаю и разочарованию, от того, что был предупрежден понапрасну.

Если условиться, что эту писанину никогда не прочитает тиран местной неформальной и непризнанной республики-главрач (большая сестра, как я ее называю), то я признаюсь, что очень редко Альберт давал слабину. Например, мне разрешалось свободно посещать больничный сквер без сопровождающего, видимо, потому что я был в отличие от всех моих собратьев по четырем стенам адекватным и небуйным. Весь свой потенциал к агрессивным неподвластным действиям был исчерпан, и мы оба это понимали. Я был слишком предсказуем, поэтому меня не боялись. Я всегда сидел на одной и той же излюбленной лавочке. Отсюда был виден огромный дуб, ствол которого даже толпе дровосеков, нанятых в больницу для усмирения буйных клиентов, с невероятно длинными руками не посчастливилось бы обхватить. Он своими могучими ветками загораживал мою одиночную палату на втором этаже, а также всю оконечность здания, стирая реальность и передавая инициативу фантазии. И тогда я представлял, что там не палата пациента психиатрической больницы, а нечто более привлекательное: Швейцарские Альпы, лазурный берег Грейс-Бэй или же узкие улочки Венеции, или хотя бы просто тихая размерная жизнь. Отвлекаться мне категорически запрещалось, только лишь на краткосрочные переговоры с Альбертом, так как я верил, что вот-вот из-под этого дерева вылезет белый кролик с часами и с красной таблеткой для входа в страну чудес, тогда бы я точно узнал глубину кроличьей норы. На тот момент мне

и не казалось странным, что я никогда не видел своей почивальни с другого ракурса. Мне вообще все, казалось, до боли навязчивым и лишённым оригинальности, поэтому интереса к чему-либо происходящему я не испытывал. И это меня угнетало. Я больше не желал такого существования, и лишь грядущие перемены хоть как-то способствовали снятию оков с моей шеи. Я задышался, но при этом яркий пучок света из будущего ослеплял глаза, выжигая на сетчатке одно единственное слово: «надежда».

–Здравствуй, Антон! – именно с такими словами подсел ко мне Альберт.

Я в ответ промычал, что-то невнятное, типа «угу» и продолжил пялиться на дерево. Я завидовал ему, ведь вся его безмятежная жизнь может похвастаться отсутствием кредитного долга, нелюбимой работы и способности как-либо ужиться в среде себе подобных, а вездесущий паразит не имеет права браться за судьбу дерева, как минимум из-за уважения к его возрасту. Вокруг дуба миролюбивая тишина и покой – самая желанная мечта мизантропа.

Доктор сразу понял, что разговор не сможет отличиться продуктивностью и отложил лист с вопросами в сторону, хотя они все равно прозвучали в моей голове. Мы долго сидели, не нарушая славный голос природы и далекие отголоски больных так страстно споривших с самим собой, пока лечащий врач не запел старую песню:

– Антон, вы ведь понимаете, почему вы здесь?

– Да, Альберт, я понимаю, что за правду приходится платить, хоть я и считаю, что ценник явно задрали.

– Нет, Антон! Вы здесь, потому что накинулись на своего работодателя...

– Это он вам так сказал – прервал его я – а меня никто не слушает!

– Я вас слушаю.

– Всего лишь выполняете свою работу! Вам необходимо потакать больным, дабы не вывести их из себя! А если и правда слушаете вопреки своим обязанностям, так точно не слышите!

Пробудившись однажды внутри меня, бунтарь навсегда потерял возможность уснуть. Одной искры достаточно, чтобы разжечь огонь. Он пылал внутри, периодически выплевывая языки пламени наружу, обжигая иллюзию самоконтроля. Порой складывалось ощущение, что если я не выпущу скопившиеся пыл, то начну тлеть в недрах своего тела. Это было жизненно необходимо для меня. Мой источник жизни имел очень тонкую грань со смертельным исходом. Я понимал, что долго удерживать между ними баланс я не смогу. Я не справлюсь без помощи.

Как капризный ребенок я покинул сад и ринулся напрямиком на второй этаж к своему убежищу в самом конце коридора по левую сторону. Единственное, что меня радовало, так это то, что палата напоминала склеп. Я смирился, что умру здесь, ведь в том во внешнем мире для меня нет места. Там

живут лживые и неспособные сочувствовать существа, высшей мерой наслаждения которых является привкус выходного клапана вышестоящего руководства или спуск конкурентов по социальной лестнице. Общество, построенное по принципу пирамиды: превышения одних над другими, причем даже не столь важно по какому признаку, не способно приютить меня. Я не пытаюсь выделиться среди всех остальных, будто бы я достоин большего, поскольку презираю низменность сложившейся системы. Я лишь искренне верю, что наступит тот день, когда люди будут искать рай не за облаками под конец собственной жизни, оплакивая свою проступки, а построят его на земле.

Дуб, которым я так любовался в саду перегораживал путь солнечным лучам к моему окну, поэтому постоянный мрак меня терпеливо дожидался в палате, после чего окутывал в свои объятия и не отпускал уже никогда. И только со временем я стал понимать, что мрак постепенно материализуется, я уже чувствую его прикосновение. Поначалу оно кажется холодным, но со временем привыкаешь. Привыкаешь и к тому, что ничего не меняется, хотя в этом я не уверен...

Скрежет

Долгие годы безнадежного одиночества сделали меня интровертом, наслаждающимся отсутствием связи с обществом. Поэтому какое-то время мне казалось, что психиатрическая больница не такое уж и плохое место, тем более, когда тебя не касается тотальный контроль, опять же за счет заслуг Альберта. Но радостное состояние понемногу сбавляло обороты. Ощущение чьего-то присутствия все чаще посещало меня. За мной кто-то наблюдал, и с каждым днем это чувство обострялось. Тайный поклонник приближался. Я слышал его шаги. Скрежет, где-то там за стеной. Подобная реальность пугала меня, он как будто зарождался каждую ночь внутри головы и засыпал лишь под утро под натиском усталости. Кто-то прорывался. Он хотел на свободу, и только я мог ему в этом помочь. Первое время я успешно сопротивлялся, но вскоре недосып выступил за противоположную команду. Шум породил бессонницу, а она в свою очередь сыграла роль толчка для звуковых галлюцинаций. Я попал в замкнутый круг душевных истязаний. Моему лечащему врачу совсем некстати было знать о происходящем, поскольку мое вольное поведение сразу же подверглось бы корректировке, и мне пришлось бы общаться с врачами в два раза чаще, что не являлось радужной перспективой для фаната уединения. Тем более в последнее время скрежет усилился, а я почти что

уверил сам себя в собственной неправоте. Он настоящий. Это не фантазия разыгравшегося сознания. Шум более чем реален. Кто-то там за стеной явно не может спать. Скоро я узнаю правду, я это чувствую.

В таком режиме проходили ночи на пролет. Бессонница стала еще одним моим спутником при свете Луны. Единственное чему я научился за свою жизнь, так это ждать. Зачастую мне приходилось целыми днями ждать очередную оплеуху от своего начальника, и каждый раз я получал свое. Я высиживал в ненавистном офисе свой рабочий день и дождавшись его окончания устремлялся домой на изоляцию от общества, и тогда, чтобы хоть как-то ускорить время я закрывал глаза и рисовал свою жизнь совершенно в другом формате. Я представлял себя в роли храброго исследователя неизведанных земель, неутолимого охотника приключений и просто свободного от повседневной рутины и человеческой испорченности примерного семьянина. И каждая моя новая жизнь имела место для очаровательной спутницы, которая была далека от современных модных тенденций, направленных на деградацию и вульгарность. Я любил в каждой своей выдуманной истории цепляться за мелочи и прорисовывать их до мельчайших подробностей. Ведь вся наша жизнь состоит из мелочей. По сути, жизнь каждого человека – это и есть приятная мелочь. Вот и теперь я просто ждал. Все мое время, как говорится. Когда этот шорох дойдет до меня, дороги обратно уже не будет. Пусть даже обрат-

ный путь был закрыт еще с последнего шоу в офисе непосредственно с моим участием, все равно, грядущие перемены оставят след в моей истории, после чего обратно вернуться не удастся. Знание, что именно от меня зависит успех операции по сверлению прохода в новую жизнь, придавало веру и надежду, самую опасную смесь, на которую способны человеческие чувства. Надежда, она как бомба замедленного действия. Убивает даже не взрыв, а само ожидание, но я уже сказал, что я умею ждать.

Бессонница породила головные боли, в след за чем последовали галлюцинации, не только в виде шума, но и в качестве облупившейся штукатурки на моей кровати. Я был уверен, что это игра сознания, но все-равно прятал осколки последнего ремонта под единственную тумбочку в углу палаты. Отчет происходящего еще долгое время будет формироваться среди обломков разума. Но то, что произойдет со мной, станет лучшим мотивом для терпения, по крайней мере именно так я себя успокаивал. Предчувствие новой жизни окончательно обрекло меня на смерть... Этого ли я ждал?

Однажды Шекспир сказал: «Ад пуст. Все бесы здесь». Я же хотел бы уточнить, что скрывается за столь абсурдным и туманным понятием «здесь». На первый взгляд кажется, что великий драматург доходчиво изложил всю суть человеческой природы, но он отнюдь удостоился уточнения. Как и положено деятелям культуры, он оставил некую загадку в своем творчестве, такую же, какую таят глаза любимой девуш-

ки. Все бесы заключены в душе человека, иначе нельзя объяснить терзания, не дававшие покоя. И лишь любовь, чистая и искренняя, дает свободу наглым чертям. Она освобождает от оков, тем временем цепляя кандалы. Мнимая свобода окутывает разум любящего, пока в аду ему диктуют приговор на пожизненное заключение. Когда Господь создал любовь, Сатана закрыл ворота в преисподнюю по причине отсутствия клиентов.

Шум за стеной пробирался сквозь наспех проложенную кирпичную кладку, он явно настроен дойти до своей цели, и это упорство завораживало меня. Кто за этим стоит? И каково его желание? Это те вопросы, ответы на которые изменят мою жизнь безвозвратно, но кто на них ответит, если я боюсь?

Это случилось именно в ту ночь, когда сильный ветер толкнул ветви дуба в мое окно. Мой друг постучался, как будто предупредить. Постучался и еще кое-кто кроме него...

Ночное спокойствие, наступающее, как бы не было это странно, в сильную ночную бурю, в очередной раз отдалось во власть скрежета. После непродолжительной паузы и неожиданно свалившейся кусками облупившейся краски я услышал голос, мелодия которого окрылила меня, и я за доли секунды оказался на кровати в вертикальном положении:

– Псс... Ты не спишь? – голос явно принадлежал девушке, что не могло не радовать.

– Нет! Нет, конечно! – я сам не мог понять, что превали-

ровало в моем голосе: то ли возмущение из-за вторжения в мою одиночную жизнь, то ли радость общения с девушкой?

Я подпрыгнул на кровать ради разговора с пациенткой из соседнего корпуса, которую я никогда не видел, так как коридор моего отдела оканчивался на моей палате. Видимо, эти две части одной постройки составляли Г-образное здание, но решение пришедших к власти реформаторов было неумолимо: «Разделить!».

– Как ты это сделала? Как тебе удалось расковырять дыру в стене? – все еще не мог я свыкнуться с мыслью, что кто-то стремится к общению со мной.

– Я не так давно узнала, что в этом месте, прямо под потолком когда-то проходила вентиляция, но ее по какой-то причине замуровали, кстати так же как и проход между нашими корпусами, вот я и поработала с кирпичом, чтобы он стал более покладистым.

– Но... но почему именно я? – голос девушки был настолько приятным, что я не мог поверить в состоявшуюся беседу. Он звучал словно гимн красоты. Совершенство возведенное в абсолют. Вершина превосходства, к которой стремились Бетховен и Бах.

– Потому что мой сосед по другую сторону явно больной на всю свою кукушку, а ты настолько тихий и спокойный, что я какое-то время боялась сделать отверстие в стене и не услышать никого.

Кто-то рад моему присутствию, даже вопреки тому, что

мы не могли видеть друг друга. Беспрецедентный случай! В каком-то смысле эта девушка доверила мне свою свободу, поэтому я твердо решил доверить ей свою жизнь.

– Оу... какая же я дура! – несправедливая строгость к себе проявилась в ее голосе – я же не представилась. Меня зовут Ева!

– Антон! – выпалил я, как будто готовился к этому всю свою жизнь.

– Ну теперь хотя бы знакомы – я чувствовал, как она улыбалась – Антон, а ведь ты не против, что я тут с тобой глубокой ночью разговариваю и мешаю спать? Не хочу навязываться.

– Спать? Разве может сон составить хоть какую-то конкуренцию столь приятной беседе?

Она тихо засмеялась, чтобы не выдать себя дежурившему медперсоналу. Но даже сдавленный смех осчастливил меня. Я улыбался, как полнейший дурак, уперевшись взглядом в стену с темным отверстием ближе к потолку.

– Мне кажется, что я ждал тебя всю свою жизнь...

Я знаю, особенно на начальных этапах общения, необходимо быть сдержанным, но как же мне хотелось выкрикнуть в отверстие в стене, что счастьем моему нет пердела. Кровь хлестала по кровеносным сосудам, выдавая мое волнение дрожью в голосе. Я готов кинуться к ее ногам и умолять еще хоть раз в жизни заговорить со мной, а она беспокоится не потревожила ли мой сон. Вот они идеальные отноше-

ния: страсть пересекается с заботой. Как будто морская волна оmyвает извергающуюся лаву на Гавайских острова, после чего уже остывшая лава медленно стекает в закипевшую воду.

Мы разговаривали до тех пор, пока солнечные лучи не блеснули где-то там далеко за могучим дубом, ветви которого плавно подкрадывались к моему окну. Темы для разговора были овеяны абсурдом и несуразицей, в общем как это всегда бывает между симпатизирующими людьми. Мы умудрялись смешивать две не пересекающиеся параллели: классическую литературу с произведениями импрессионистов, спортивные достижения национальных героев и сюжеты фильмов с непредсказуемой концовкой, а также вероятность счастливой жизни и способы ее достижения. Когда время подходило к концу, нам пришлось проявить заботу о недопущении обнаружения переговорного отверстия работниками психбольницы. С моей стороны все было достаточно просто: я уже долгое время имел договорённость со старшей медсестрой. Она не требует от меня выполнения распорядка дня и не наносит визиты с проверкой, а я в свою очередь не рисую калом по стенам, подобно четверым несчастным на втором этаже, и самостоятельно провожу влажную уборку, прохожу так называемый курс трудотерапии, хоть у меня и складывалось ощущение, что это простой перенос обязанностей медперсонала на пациента. Тем не менее я считаю, что уговор был максимально справедлив, ведь медсестра ни

разу после оглашения условий, не потревожила мои покои. Что касается Евы, то она закрывала отверстие всеми сохранившимися обломками, а поверх приклеила большую старинную фотографию своей семьи, когда она еще у нее была. Ева умудрилась доказать своему врачу, что фото помогает ей чувствовать себя в безопасности и спокойно спать. Трудно поспорить с тем, что девушка чертовски сообразительна для психически неуравновешенной.

Мой привычный день теперь не мог похвастаться спокойным течением времени. Возбуждение, которое я испытывал при одной только мысли о предстоящей ночной беседе, боролось сонливостью, копившуюся как снежный ком. Я выдумывал новые темы для разговора, готовил шутки и пытался предугадать реакцию Евы. Ее имя ни на минуту не покидало меня. Ореол вокруг нее пропитал воздух, который проникал по моим дыхательным каналам и насыщал каждую клетку гормоном счастья, причем совершенно позабыв о четкой, строго нормированной дозировке, что привело к пристальному вниманию Альберта:

– Антон, я столько времени хочу у вас спросить, что произошло с вами за последние несколько дней?

– А что не так?

– Нет-нет, что вы. Наоборот, все очень здорово! Я наблюдаю резкий рост позитивного настроения, и страстно желаю узнать, что именно так положительно повлияло на вас? Вы преобразились!

Я посмотрел в глаза, спрятанные за толстыми стеклами очков. Альберт был очень молод, но глубокие морщины и преждевременная седина, пытались убедить в обратном. Сколько же он боли перенял от своих пациентов, чтобы так быстро постареть? Он заслуживает того, чтобы я подарил хоть небольшую частицу своего счастья. Я уже открыл рот, чтобы признаться о неформальных ночных свиданиях, но судьба внесла свои коррективы...

– Альберт Вениаминович, я вас уже везде обыскалась. Вас очень настойчиво попросила зайти главврач – влезла в уже почти сорвавшееся с губ признание медсестра.

– Что ж, Антон, продолжим разговор в следующий раз – доктор постучал меня по колену и принялся исполнять волю неуравновешенной женщины, чей буйный характер не дает покоя никому из медицинского персонала. Опять судьба смеется громче всех.

В этом моменте я предвидел нечто уготованное судьбой. Видимо нельзя рассказывать Альберту о своей новой знакомой, хоть я и считал наши отношения близкими к дружеским. Честно говоря, меня сложно назвать знатоком дружеских отношений. У меня никогда не было настоящих друзей. Друг – это тот человек, чья рука чувствуется при каждом падении, а счет за страховку не выставляется. Поэтому я посчитал Альберта другом, ведь он искренне пытался мне помочь, а я всей душой желал поделиться с ним счастьем. Раньше я все время думал над фразой: «Скажи мне кто твой

друг, и я скажу кто ты». А если человек без друзей, значит ли это, что он совершенно никто? А ведь может быть тому причина ошибочное стечение обстоятельств, которое не вовремя привело этого человека в жизнь. Он родился не в свое время, и никто его не понимает. Сколько примеров нам может предоставить история. Пусть он гений или герой, способный спасти человечества от его самого, но разработанная садистом, пугающим по своей жестокости Люцифера, социальная среда раздавит его, как и любого горе борца против системы. Беснаказанным еще никто не уходил.

Позови меня

Ничто в жизни не придает такую боль, как слезы близкого человека. Ева не разговаривает со мной уже третий день. Ломка, которая сопровождалась депрессивным настроением и отсутствием заинтересованности продолжать жизнь, буквально пожирала меня. Я пытался поговорить с дочерью Зевса и Дионы, но она будто не слышала меня, видимо горе, что окружило ее, было гораздо громче моих слов. Все мои ночные грезы сводились к мысли взвалить хоть маленький кусочек беды на своим плечи. Я хочу разделить ее печаль, сколь бы горькой она не была. Но если бы все зависело от меня, так я готов пасть жертвой от тяжелого груза, лишь бы еще раз услышать мелодичный смех. Я не мог узнать, что произошло, и от этого становилось только хуже. Отсутствие определенности влечет к бурным мысленным потокам, смывающих любые границы разумного на своем пути.

– Антон, надо бежать! – гром прогремел за окном одновременно с тем, что с грохотом обрушился по ту сторону стены.

– Куда ты пойдешь? Это безумие! – я боялся ее потерять. Мой голос вот-вот сорвется на истерику.

– Побежали вместе!

– Ева, ты в своем уме? Как мы это сделаем и куда мы пойдём? – на самом деле я был в ее плену, а значит уже заведомо

согласился уйти с ней. Неважно куда, важнее, что с ней.

– Еще день и я не выдержу этого! Либо сейчас, либо никогда! Лучше бежать во время дождя, он наш сообщник, он нам поможет.

– Но как, Ева? – я надрылся в истерике. Еще никогда в своей жизни я так сильно не рисковал.

– Все это неважно, как же ты не поймешь. Куда важнее другое. Готов ли ты?

Пауза казалась мучительно затянувшейся, причем вопреки моей воли. Я хотел моментально выпалить положительный ответ, но мой собственный организм меня подвел. Страх сжал горло, и вместо звука из моего рта выдавливался жалкий хрип. Я вдруг испугался. Мне было наплевать, что меня могут схватить и упечь в лечебницу до конца своих дней. Я уже давно смирился, что не способен жить в мире за решеткой. Я боялся нашей с Евой встречи. Наверняка, она ожидает увидеть хотя бы частично привлекательного молодого человека, а не обезображенное несчастным существованием животное. Ева больше не захочет общаться со мной, а я потеряю смысл жизни, который с таким трудом нашел.

– Я готов, Ева. Пусть даже единственное место, где нас не тронут, находится на краю Земли – собравшись духом я дал своей ответ. Обратного пути уже нет давно, а это всего лишь очередной крутой поворот. Я больше не мог сопротивляться. «Чего хочет девушка, того хочет бог».

– Ты мой герой! – Оно того стоило. Ева снова улыбалась,

я это точно знаю. – Я позову медсестру якобы выйти в туалет. Там во время удара грома я постараюсь выломать чем-нибудь окно. В уборной оно даже не защищено решеткой. Мне придется прыгать со второго этажа, но надеюсь ничего страшного из этого не выйдет. Тебе будет куда проще. Если нет решеток на окне, то выбирайся прямо из своей палаты. Встретимся в парке в течении пятнадцати минут. Пятнадцать минут – это предел. Если у кого-то из нас что-то пойдет не по плану, ждать дольше нельзя, иначе не уйдет никто – эх, Ева, знала бы ты, что без тебя я не уйду отсюда даже под страхом смерти.

– Хороший план – шепотом одобрил я. Хорош он был уже тем, что мы бежим вместе, как Бонни и Клайд, черт их дери. До этого момента я еще никогда не входил в чьи-то планы.

Побег

План перешел в исполнение. Затаив дыхание я вслушивался в каждый шорох за стеной. Как только Еву вывели из ее палаты, я тут же набросился на свое окно. Ночной мрак охранял мой старинный друг своими огромными руками, но эта темнота не играла роль препятствия. Слишком много времени я прожил без света, чтобы испугаться тьмы. Напротив, я посчитал это хорошим знаком. Разумеется, окно было без ручек. Единственная форточка, которую я открывал на проветривание была настолько малого размера, что даже воздушная масса, периодически проникая в палату, выдавало свое недовольство возмущенным свистом. Я чувствовал тяжесть. На мне висел груз ответственности: Ева рассчитывала на меня, а я не мог ее подвести. Это было бы преступно с моей стороны. Неистовая решимость вдруг посетила меня. Растекаясь по всем кровеносным каналам, она в одно мгновение одарила меня теплом, согревая озябшее от страха тело.

Я навалился всем своим жалким весом, в попытке выдавить стекло. Не вышло! Попытка чем-нибудь поддеть замок провалилась с треском на самом начальном этапе зачатия, так как по какой-то причине меня не обеспечили инструментами для взлома. Пустая палата начала на меня давить со всех трех сторон. Единственный выход через окно. Нужно

было решаться. Придется разбивать! Я чувствовал себя матросом на рыбацкой лодке, вот-вот грянет девятый вал, который разрушит все, что меня тут держит, а я каким-то образом должен оставаться на плаву. Я не знал, куда деться после побега, ведь эта больница стала моим убежищем от безжалостной социальной среды.

Удар молнии! Я должен успеть! Бросок стула не обвенчался успехом, надо пробовать еще раз. Затаившись в надежде, что меня никто не услышал, я ждал следующего хода от громовержца. Я не могу опоздать! Очередной удар электрического разряда был сопровожден звонкими осколками. Еще удар молнии, как я сразу его подхватил. Еще раз, и я расчищу проход от осколков. Давно я не получал столько радости от разрушения.

В увиденное было трудно поверить. Могучий дуб протянул огромные ветки дерева как руки прямо к образовавшемуся проходу в наружной стене. Никогда не мог подумать, что ветви так близко подобрались к окну. Неужели мой старинный друг столько лет рос для того, чтобы однажды в дождливую ночь мне оказать незаменимую помощь? Было трудно найти в себе силы ступить на мокрое дерево на высоте двухэтажного дома, но мысль, что Ева, промокшая под ливнем, стоит и ждет меня, спровоцировало подъем моего настроения. Эта ночь предназначена для нас двоих, и я не имею морального права оплошать. Почти что с закрытыми глазами я, более уверенно, чем когда-либо, аккуратно наступил

на плечо верного товарища. Не знаю, чего я боялся больше: оступиться и упасть или ненароком сделать больно другу. Каждый шаг отдавал в голову импульсом радости от приближения к поставленной цели. Когда я наконец-то достиг ствола, то спустился на ветку пониже, потом еще на одну и вот я уже вишу над землей, осталось спрыгнуть и отдаться на доли секунды все полномочия гравитационной силе, как вдруг я почувствовал касание. Настолько реальное, что возвращение в жизнь из мира грез повлекло за собой мое падение. Грохнувшись на промокшую землю, я потерял ориентир, и, попытавшись привстать, я повторно увеличил площадь соприкосновения с землей со стоп до всего тела.

– Неужели поймали? – молниеносная мысль дала волю к свободе, обрести которую я способен только с Евой.

Мой быстрый переход из горизонтального положения в вертикальное совместно с выбором не самой устрашающей бойцовской позы вызвал смех, к которому я так быстро привык. Это была Ева. Я опять ее рассмешил. Это лучшее, что может сделать незнакомый мужчина при виде до невозможности красивой девушки. Черные волосы будто бы детище самой ночи, аккуратно были сплетены в пучок. В девушке чувствовалась необузданная сила. Иначе сложно объяснить, как она смогла покорить ночь и связать ее в узелок. Глаза даже при полной тьме по окраине отдавали зеленым оттенком, сохраняя остальную палитру зеркала души в сохранности от посторонних. При этом они буквально пылали. Загадка, ко-

торая в них таилась буквально сводила меня с ума. Темные глаза даже посреди затянутого тучами небосклона горели ярче остальных звезд. Их блеск был мне ориентиром в ту самую ночь. Только лишь спустя какое-то время я вновь потеряю свой курс. Манящие красные губы изобразили ухмылку, и ради нее я готов идти против самого Бога. Этот изгиб, если бы удалось его повторить хоть кому-нибудь из представителей славной гильдии детей искусства на холсте, то он бы заставил самых ревностных любителей эпохи ренессанса отказаться от любви к улыбке Моны Лизы и признать ее жалкой пародией на эталон. Родинки и едва заметные веснушки рисовали самое красивое созвездие за счет своего идеального расположения на ее лице. Подобно самой Вселенной эта девушка излучала совершенство. Даже небольшой закругленный шрам над ее правой бровью казался лишь аксессуаром дополняющий образ стоящий перед моими отказавшими глазами.

– У тебя получилось, как здорово! – и только сейчас я вышел из коматозного состояния. Виктор Гюго ошибся на счет места встречи Эсмеральды и Квазимодо, она произошла именно здесь, в этом парке, в этот час. По сравнению со Вселенной, чьим воплощением во плоти приходилась девушка я ничтожество. Я раб и я поклоняюсь тебе, Ева. Беспрекословное подчинение и отчаянное самопожертвование – моя плата за то, чтобы мне было позволено любить тебя. Я побоялся, что моя низкая самооценка и соответственно неуверенность

повлекут за собой отказ от хоть какого-нибудь дальнейшего взаимодействия.

– Ну же идем, Антон, чего ты встал? – Девушка промяукала в пол голоса и выдвинулась к старым воротам, которыми уже давно никто не пользуется, поскольку к городу проложили новую дорогу в объезд старой, заброшенной через лес. Соответственно примкнуть к новой дороге удобней по кратчайшему пути, для чего и построили новый пропускной пункт с противоположной стороны от старого.

Я не мог себе ответить на вопрос, который не давал мне покоя: «Почему Ева меня не бросила в этом парке?». Я даже близко не имел права находиться с девушкой. Своим присутствием я могу испортить шедевр. Подобранный на улице в дождливый день щенок не мог поверить, что его подобрали. С такими девушками как Ева очень сложно держать свою голову в полном порядке. Я планомерно упускал из рук контроль над разумом.

Мы пробрались к старым воротам, которые не сдвигались с места уже лет 30 не меньше. По ржавым и заросшим прутьям мы перебрались на ту сторону жизни, где витает в воздухе блаженная свобода. Хотя, честно сказать, не ее я жаждал вкусить, глотая жадными кусками воздух, а тонкий запах кожи лучшей из представительниц прекрасного пола. Я был одержим идеей насладиться моментом, когда Ева рядом. Я желал полностью насытиться ей. Чтобы каждая молекула воздуха, которая хоть раз пролетела рядом с девушкой, неиз-

бежно была распробована на вкус.

Под ударами тяжелых капель мы свернули на тропинку сквозь густой лес, так густо заросший без многолетнего человеческого вмешательства. Дождь, гром, как будто все это ради нас, как будто сама природа курирует наш побег. У меня не укладывалось в голове происходящее. Мы не могли так просто сбежать, кто-то нам явно помогал. Кто-то нас уберег. Я, тот кто постоянно бездействовал, вопреки тому, что жизнь издевательски проносилась смелым ручьем мимо меня, сейчас беру этот поток в свои руки и направляю его по своему желанию. Перемены, те, которые меняют жизнь кардинально, всегда возникают внезапно. Иначе долгие доводы «за» и «против» потопят весь энтузиазм в сомнениях, а я и так слишком долго сомневался. Пришла пора жить!

Промокшие до глубины души, мы прорывались сквозь водяной занавес и многолетние заросли. Было трудно, холодно и страшно, но впереди идущая Ева заставляла меня забывать обо всех недугах этого путешествия. Она двигалась грациозно подобно хищной кошки, которая вот-вот ринется на свою добычу. В каждом движении чувствовалась воля и сила. Если девушка хотела свободы, значит она ее получит.

– Вот оно, это место! Мы его нашли, Антон! – счастливый возглас самой прекрасной девушки на свете разжег мое замерзшее сердце. Я радовался вместе с Евой, хотя все еще не понимал, чему оказана такая честь. Впрочем, это было неважно.

Ева обвила меня своими нежными руками и поцеловала в левую щеку, от чего тепло резко распространилось по всему телу. Я кое как мог смириться с тем, что она не бросила меня в парке психиатрической лечебницы, не оставила одного в лесу, но поцелуй, подаренный мне, уже не мог перейти через границу объяснимого. Значит ли это, что я впервые в своей никчемной жизни понравился особе противоположного пола? Каким рисунком на небосводе должны выстроиться звезды, чтобы я, не знающий взаимной симпатии, был одарен поцелуем сразу мисс Вселенная вне временного интервала? Ее губы оставили жгучий след на моей щеке, который и по сей день согревает меня в холодные ночи.

Оказалось, что радость была направлена на встречу с разваленным домом. Как мне объяснила Ева, в стороне от тропы находится старый дом лесничего, который не функционирует еще с детской поры девушки. По ее плану мы сможем здесь переночевать, а уже по утру решим, как быть дальше.

Осмотрев наше пристанище сложилось ощущение, что две разные стороны дома строили совершенно разные люди. Иначе сложно объяснить, почему левая сторона дома развалина чуть ли не до основания, а правая лишь слегка искажилась от натиска времени.

Мы пробрались в более-менее уцелевшую часть дома и нашли сухое место, где мы могли остаться в стороне от дождя лишь вплотную прижавшись друг к другу, что мы, собственно, и сделали. Ева уложила меня, а потом домашняя

кошка занырнула под мою руку.

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – продублировал ее слова.

Как же она может быть спокойной, когда я улегся на ночлег, обнимая Афродиту во плоти. Я обессилен, но и это вряд ли поможет быстро заснуть. Оно и к лучшему, ведь во сне я вряд ли буду наслаждаться моментом. Самым лучшим моментом в моей жизни, когда я впервые дотронулся до огня и не обжёгся, но в этот самый момент Прометей спустился с гор Кавказа и на ухо прошептал об уготованных мне мучениях. Он сказал, что без огня моя жизнь была бы тихой и размеренной, но счастье я бы не познал, и лишь языки пламени одарят меня улыбкой, за которую придется платить по повышенному тарифу.

Остаемся

Меня разбудил страх, всеобъемлющий и вездесущий. Резкими движениями он растолкал мое сонное тело, чтобы мерзким холодным голосом обжечь мое ухо: «Она тебя кинула». Никого нет! Я один! В сумрачном лесу лежу в окружении сырости. Надо было сразу направить взор в глаза правды смелым взглядом, а не трусливо отворачиваться от нее в надежде, что таким образом она не будет такой, какая есть на самом деле. Правда на столько же неприятна, насколько не нужна. Я и Ева, мы птицы разных полетов, и ее эшелон значительно выше, а значит мне до нее не добраться. Нечего даже голову задирать так высоко. Подобно Икару я увлекся полетом, а по моим рукам растекались горячие остатки крыльев. Падение было настолько внезапным, что удар сломил меня надвое. Именно про таких людей как я говорят: «Выше головы не прыгнешь», причем голова под гнетом неуверенности всегда опущена. Учитывать еще необходимо и то, что я не высокого роста, а что касается прыжков, то далеко не мастер. Оценив трезвым умом обстановку, я понял, что испытываю сильное похмелье от любовного опьянения. Придется идти обратно. Я не смогу прожить один в бегах, я слишком труслив. Пусть меня лишают привилегий среди пациентов, пусть ужесточат контроль и пропишут десятки идиотских терапий, я как домашний попугай добровольно возвра-

щаюсь в клетку. Безвольный, бесхарактерный и с разбитым сердцем от вечной живущей истории Шекспира о невозможной любви.

– Проснулся? Это хорошо, нам еще много предстоит сделать – мелодия, способная вернуть меня к жизни, пролилась где-то за моей спиной.

– Ева! Я думал, ты меня бросила! И и... – я повернулся к ней лицом. Это был не сон. Она и вправду прекрасна.

– Бросила? – девушка перебила меня – Антоша, но мы же вместе сбежали не для того, чтобы сразу же разойтись и забыть друг о друге. Или ты думаешь иначе?

В тот момент я был не в состоянии думать в принципе, лишь изо всех сил замотал головой в стороны. Ева применила тайное оружие против моего натиска о необходимости разойтись для ее же блага, она назвала меня «Антошей», тем самым погрузив меня в коматозное состояние. Все остальное в этом мире не придавало столько значения, сколько самая красивая девушка и мое имя на ее сладких устах. В первые же секунды меня пробила дрожь от гордости. Своими губами Ева произнесла мое имя. Для меня, как для паломника, данное событие являлось святым обрядом. На меня сошла благодать, меня окропили святой водой, простили все грехи и приблизили на один шаг к воротам рая за несколько секунд. Неужели и вправду от любви можно сойти с ума?

– Ну, что пойдём? – она махнула головой в сторону тропинки, и только тогда я решил полностью осмотреться.

Как мы нашли такую глушь в темном дождливом лесу? Здесь и нога человека, наверное, не проходила по своей доброй воле долгие годы. Еле видимая тропинка, безуспешно борющаяся с манией величия зеленого покрова, была единственным связующим звеном между доживающим свой век некогда домом и спрятанной за глухим лесным массивом цивилизацией. Когда мой разум хоть немного свыкся с реальностью, я начал постепенно складывать части пазла. Город разбит на две части: старый город и новый. Как раз границей разлома двух частей и был этот самый лес. Пока что местные жители не решались вырубить рубеж между двумя частями одного целого, но это был лишь вопрос времени. Единственное, что соединяло две части, так это объездная дорога, она же федеральная трасса, а также проселочная дорога через лес. Когда мы с Евой двинулись сквозь глушь, я начал подозревать, куда мы направляемся. Но я мог и ошибаться. Все же, как послушный щенок, я поплелся за хозяйкой без каких-либо объяснений. Доверие, которым я проникся к девушке, если и имело границы, то явно за пределами Вселенной.

Вместе через лес мы вышли к старой части города, заслужившей звание пригорода после построения новой объездной дороги. Оказывается, Ева проспала всего пару часов и с окончанием дождя вышла на разведку. Разработав план в своей до безумия красивой голове, овейной абсолютно черными волосами, она вернулась за своим сообщником, незна-

дежно повязшем в неиссякаемых любовных порывах. Прекраснейший момент в любой насыщенной любовью истории находится у истоков, когда мурашки по всему телу устраивают марафон, нежно щекоча кончики пальцев. Всплеск эндорфинов такой мощности, что в целом мире есть только единственное место, где будет уютно, сердце любимого человека. Если же там места нет, то это настоящая беда, которую не каждому удастся пережить.

В стороне от центра и его суеты район отличался тихой размеренной жизнью его обитателей. Как это принято в таких местах каждый знает про каждого, поэтому светиться нам не стоило, иначе подозрительные новички сразу бы вызвали резонанс среди общительных соседей. Мы подошли к небольшому двухэтажному зданию, в подвале которого располагался магазинчик секон-хенд. Прямоугольные форточки выходили на улицу, и, видимо, по причине низкого уровня преступности в районе, одна из них была приоткрыта, или это произошло по причине очередной подачи со стороны судьбы. Я склонен считать, что почему-то мы вызывали у нее симпатию, иначе нельзя было объяснить возникновение неконтролируемого приступа халатности хозяина магазина ношенной одежды. В любом случае, осталось только поддеть ручку другой форточки, чтобы открыть ее нараспашку.

– Придержи форточку, а я полезу за вещами, не ходить же нам как больным из психушки?

Только в этот момент я понял, что все к чему я пришел в

свои годы жизни, так это воровство. Мне хотелось кричать во все горло: «Стой!» Но моя мечта была права. У нас не было другого выхода. Я готов переступить через собственные и доселе нерушимые принципы, но только ради Евы. Пора сменить свое обличье. Вот она моя жертва во имя любви – моя невинность. Я надеялся только на то, что преступление ограничится материальной составляющей. А вдруг я ворую чужую жизнь? Это по-настоящему страшно!

Мои думы разрушились в дребезги, окропив мелкими стеклянными осколками пол в магазине. Не сумев вскрыть замок форточки, Ева, недолго думая решила с ним разобраться по-варварски, зато эффективности ей не занимать. Девушка быстро запрыгнула внутрь и принялась за поиски. Время, оно как бездомный озлобленный пес, который чует страх и нападает. Эти временные нападки характеризуются мучительным ожиданием сдвига стрелки с места в период спешки, и галопирующим марафоном по циферблату во время затишья. С каждой секундой мне становилось страшнее. Если нас поймают, то Еву за воровство могут наказать, используя еще менее гуманные способы, чем были до нашего побега. Я вспомнил ее слезы за стеной и твердо решил, что не смогу допустить подобного вновь. Я поклялся, что Ева, если все же останется со мной, больше никогда в своей жизни не уронит слезу. Я обязан сделать ее счастливой, ведь для этого на самом деле необходимо не так много: всего лишь любовь, нежность и забота.

Пока я с потеющими ладонями осматривался по сторонам и прислушивался к каждому шороху, отчетливо слышимому в такой ранний час, Ева уже переделалась, подобрала мне наряд и вскрыла кассу для наших скромных расходов.

– Переодевайся быстрее! Я должна убедиться, что не ошиблась с размером – дала команду глава преступной шайки из почти что Шервудского леса.

Шорты и легкая рубашка подошли, будто бы поступили в секунд-хенд из моего гардероба. Ева знала мои размеры еще до того, как проникла в магазин.

– Ну и отлично. Пойдем! – девушка с моей помощью выкарабкалась из магазина с полными пакетами одежды.

Быстрым шагом мы направились обратно в наше убежище. Когда мы углубились далеко в лес, мне стало гораздо спокойнее на душе, а Ева не сбавляла шаг. Ее твердая, полная решимости, походка говорила о намерении продолжать действовать по плану. Мы пришли к нашему дому, надежно спрятали пакеты с краденной одеждой и вновь двинулись в путь. Следующая территория, на которой собираются орудовать Бони и Клайд, это новый город. Мы ускорили шаг настолько, чтобы оказаться у входа в продуктовый гипермаркет чуть ли не сразу по открытию. Нельзя было допустить, чтобы местным ищейкам уже дали наводку на нас. Нужно было все успеть. Тем более эта часть города являлась подобием современных мегаполисов, наполненных жителями, озабоченными лишь своим положением на карьерной лестнице. Безраз-

личие ко всему остальному оставило уродливый отпечаток на их лицах. Что ж такова плата за современность.

От нежелания смотреть на эти бесчувственные лица я поднял глаза к небу. Природа к нам благосклонна. Ночные тучи исчезли бесследно, уступив место яркому теплему солнцу, которое аккуратно касалось лучиками макушки головы Евы. А тем временем первые магазины открыли свои двери для посетителей. Посчитав, что у нас есть запас времени, пока хозяин ограбленного заведения заявит в полицию, а те в свою очередь доедут до места преступления и начнут поиски преступников, мы успеем запутать след и скрыться в неизвестном направлении.

В одном из гипермаркетов мы переоделись на украденные деньги в еще один комплект дешёвой одежды, так как когда составят список краденного, нас будут искать именно по описанию пропавших вещей. Пока полицейские осмотрят камеры всех магазинов пройдет какое-то время, что нам было на руку. Закупив к новому облику провианта, мы спокойно вышли из магазина и молча двигались в сторону свободы. Изредка встречавшиеся по пути люди были слишком озабоченными своими проблемами, которые раздражают их хуже, чем будильник рано утром. Современный город – это идеальное место для мелких преступников и самое ужасное для пострадавших, потому что безразличие, которое по праву можно считать пандемией, уже насквозь пропитало человеческие сердца. Самое страшное во всех пороках, это их

метаморфоза в обыденность. Даже самое страшное преступление может быть уменьшено в своих масштабах, если реакцией на него придется равнодушие.

Новая жизнь

Оставаться в городе было все-равно, что ограбить банк и украденные деньги положить на новый счет в банке через дорогу: эффектно, но глупо, поэтому мы решили спрятаться в лесу. Опять же не сложно было догадаться, кто принял такое решение, а кто просто согласился за отсутствием собственного мнения. Лес был достаточно старым, чтобы в его зарослях смогли спрятаться два мелких существа, которые просто хотели другой жизни, нежели все остальные. Мы ушли в глубь, именно туда, где когда-то было пристанище для человека, который чуть ли не единственный во всем городе не потерял связь с природой. Тяга к своим истокам чудесна по естественным причинам. Дом лесника отлично был спрятан за непроходимыми зарослями. То, как мы умудрялись находить этот уютный уголок каждый раз не заблудившись, причем первый раз был в кромешной темноте, нельзя обозвать не иначе, как чудо. Чудо, которое всегда шло на шаг впереди.

Закупка необходимых инструментов в гипермаркете на украденные деньги сформировала распределение обязанностей. Я должен был найти отличные материалы для перекрытия дыр в крыше. В глухом лесу с топором и пилой в руке эта задача казалась довольно-таки простой в исполнении. Ева должна была развернуть полевую кухню и взяться за приготовление пищи, а также на ее плечи упали уборка дома и уют.

Смешанный лес взбудоражил мою фантазию. Из двух пышных сосновых елей я сделал нечто похожее на сани. В упряжку из веток и веревки конечно был запряжен сам инициатор. Осознание того, что наилучшим вариантом для капитального ремонта будет лиственница, позволило мне уйти во внутренний мир раздумий и грез. Когда я, не привыкший работать инструментами, с трудом справился с несколькими молодыми деревьями, то понял, что как идти назад я точно определить не смогу. Страх и паника сопровождали меня при каждом шаге точно в другую сторону. Куда бы я не шагнул сомнение, что это еще сильнее усугубит мое положение сводило с ума. Как умалишённый я метался со своими самодельными санями в разные стороны в надежде поймать хоть маленькую зацепку. Я потерялся! Стоп! Нужно понять, как давно я потерялся. Видимо еще среди собственных дум заплутал и уж потом по наитию упустил свой след в лесу. Если бы Достоевский был не писателем, а художником, то для произведения «Идиот» в качестве натурщика позвал бы меня. Прямо тут, на этом самом месте. С двумя сосновыми палками в руках. Чтобы достичь вершины случившегося фиаско, во время поиска обратного пути я должен выйти с достижением инженерной мысли в руках прямо к разыскиваемым меня санитарам и полицейским где-нибудь на окраине города. Почему так скоро удача покинула меня? Что будет с Евой, если я не найду дорогу к ней? Подумает ли она, что я ее бросил?

Надо успокоиться и взять себя в руки. Я должен найти дом лесника. Должен это хотя бы не для себя, а для той прекрасной девушкой, которая рассчитывает на меня. По какой-то странной и неизвестной причине судьба подкинула ей гадкого утенка, ничего не умеющего, не знающего и далеко не столь прекрасного как она сама. Правда говоря, вероятность того, что вскоре я распушу свои белые красивые крылья, настолько низка, что скорее последний монарх в восточной Европе – та самая главврач психиатрической лечебницы появится за соседним деревом и укажет мне дорогу. Ева, смерть от голода в этом лесу не может сравниться с теми муками, которые я испытаю, если еще хоть раз не увижу тебя.

У страха глаза велики, но никто не говорит о его воле, которая в минуты дикого отчаяния способна раздавить любое препятствие на пути, раздвигая границы между возможным и невозможным. Наверное, именно этот страх и вытащил меня из западни, я слишком долго был один, я не могу вернуться к тому, от чего столько лет бежал, это убьет меня. По телу пролилась агония с прожигающим горло привкусом ярости. Я даже сразу не почувствовал, как кровь окропила мои руки. Так сильно от злобы я сжимал ветви. Мои зубы закрипели от стиснутой между ними ненависти к несправедливости. Я никогда не шел наперекор своей меланхоличной натуре. Но теперь я готов сражаться. Каждый шаг буквально пробивал дорогу сквозь мох, мелкие ветки, листья и иголки. Я найду Еву и наш дом, чего бы мне это не стоило. Найду по наитию,

по небесным светилам, спрятанным за голубизной дневного неба, найду даже перекопав весь лес, но я обещаю, что найду.

Кто знает, возможно, именно запах кулинарного шедевра лучшей кухни среди всех обитателей зеленого мира вывел меня к очагу, строительство которого только начинается.

Мои глаза наполнились слезами, а руки задрожали.

– Вот я и дома – прозвучало в разболевшейся голове. – впервые за всю жизнь, я дома. Это был долгий путь, насыщенный слезами и безысходностью, но теперь я понимаю, за что столько времени страдал.

Дом

Я был лишен обычных человеческих радостей, на которых держится жизнь. Тепло, понимание, домашний очаг – смесью этого всего повеяло ветром в мою сторону, указав единственный правильный путь. По мере моего приближения к дому меня все плотнее сжимало кольцо из недоверия происходящему. Меня ждут? Подобно обжигающему холоду, реальность поразила своей невозможностью. Порой мы так глубоко зарываемся в свои мечты, что их исполнение кажется призрачным. Если задуматься, то по-настоящему что-то желанное, всегда очень простое.

Я уставился на пламя костра, языки которого касались подвешенного котелка. Готовившиеся блюдо овеяло меня ароматом, подобный которому можно встретить только дома на кухне. Ева вышла из дома, а я уставился на нее словно безмозглый кретин. Купленная краска для волос – отличное средство для маскировки, когда твою личность наверняка описали всем продавцам города. Огненные локоны обжигали ее части тела, придавая больше градуса этой и без того жгучей девушке. На ее плечах плавно таял закат, и цвет волос был тут совсем не причем. Темные глаза, казалось, будто зрачок и радужная оболочка составляли одно целое, судя по цветовой гамме, буквально притягивали к себе. Лишь слегка уловимая зеленная окантовка зрачка выдавала столь малый и

незначительный признак земного существа. Две черные дыры с притяжением столь сильным, что шансов когда-либо выбраться не были предусмотрены природой. Правда говоря, желания избавиться от притяжения даже не возникало, я хотел окунуться с головой. Пугало только то, что при достижении черной дыры космического путешественника ждала неминуемая гибель. Что же ждет меня? Хотя чем я отличаюсь от бедолаги-астронавта? Я готов был утонуть, захлебываясь величественной красотой. Даже, если бы это не было необходимо, я бы настаивал на своей жертве прекрасному. Иначе за какие заслуги, я мог находиться рядом? Подобно Муму, я готов опуститься на дно, до последнего вдоха оставаясь преданным своему идеалу. Это лучшее, что могло со мной произойти.

– Отличный урожай – Ева улыбнулась, показав на собранные мной стволы деревьев.

– Да, пришлось потрудиться.

– Значит обед ты явно заслужил! Иди помой руки, еще пару минут и будет готово.

Я вошел в дом и увидел самодельный умывальник, который сделан из пару обрезанных бутылок, резиновых шлангов для вывода на улицу и конечно же ледяной рудниковой воды. В 15 минутах ходьбы от домика как раз бьют из-под земли ключи, порождая ледяной ручеек.

Наличие дома с уютными самодельными предметами удобства так сильно поразили меня, что вызвали желание

кричать от счастья. Громко и долго. Самое лучшее во всех этих уловках было, то, что они далеки от совершенства.

Гречневая каша с тушёной и каким-то секретными специями показались особенно волшебными в тот день. Еще никогда я не испытывал подобных чувств. Как будто вся вселенная рассредоточена внутри меня, а ее просторы постоянно расширяются, и это сильнее тебя, невозможно сдержать. Сквозь сердце мерцают дальние звезды, хоть я и думал, что они безнадежно погасли. Не знаю каким образом, но их свет прямыми лучами попадал мне в глаза.

– Очень вкусно. Самые искренние слова благодарности шеф-повару!

Ева настояла на том, чтобы я поцеловал ее в щечку, но как же манили сладкие губы. Я не хотел, чтобы глупое недоразумение разрушило наши отношения и поэтому смирился с поцелуем в щеку. Но даже это поспособствовало резкому и бесконтрольному выбросу эндорфинов. Счастье било по голове щедрыми порциями.

Двое психбольных радовались обычной пищи в гуще леса, наслаждаясь тишиной и покоем. Может мы не так уж и больны, раз уж готовы отказаться от городского трафика, пафоса и псевдоценностей, ставшими символом современного общества. Погоня за материальными благами и высшей строчки рейтинга придурков в социальных сетях составляют основу человека 21 века. Те, кто отказываются жить по этим правилам, неминуемо напрашиваются на клеймение «ненор-

мальный». Даже не столь важно, что на нем написано: псих-больной, интроверт, социофоб, мизантроп, главное, что этот ярлык вешается на шею, а каждый кто поставит лайк, затягивают петлю все туже и туже. Социальная среда породила ненависть к самой себе жалкой кучки думающих людей, и чтобы они не распространили свой настрой среди уже эксплуатируемых рабов, их необходимо изолировать. Меня признали больным, только лишь потому что я другой, не такой как все. Но что, если заболело общество? Кому решать, и кому устанавливать границы нормальной человеческой психики? Я просто другой, не хочу мыслить стереотипами, так мы убиваем способность мыслить. Не хочу стремиться к материальному превосходству над соседом, поскольку это убивает чувства. Я не хочу жить по установленным нормам. Кто способен вылечить общество? Только каждый из нас, кто еще не утратил способность думать, а также чувствовать, может взяться за постройку будущего. Воспитать себя, своих друзей и близких, воспитать здоровое поколение, вот фундамент, который выдержит нагрузки, который выдержит саму жизнь.

Инстинкт выживания

По словам самой прекрасной девушки на свете, ее всему необходимому научил дедушка, в том числе он дал ей уроки выживания. Видимо он и был тем самым последним лесником, которому было дело до своей работы. Как сказала Ева, он мог целыми месяцами жить один в глуши, кормясь тем, что дает природа. Именно от него ей передались навыки охотника и рыбака, садовода и лесного повара. Прямо некий кружок бойскаутов, в который решили принять меня.

Мне никогда не приходилось убивать зверей, сама мысль пустить чью-то кровь ради собственной жизни приводила меня в неистовый гнев на самого себя, но другого выхода нам не оставалось. Ловушки по проекту старого лесника мы поставили по всему периметру вокруг нашего дома. Согласовав друг с другом маршрут их проверок, мы вешали кусок яркой тряпки на уровне глаз. По мотивам вьетнамских коммунистов мы вырывали углубления в земле, устанавливали на дне острые клинья и маскировали выемку ветками. В других местах мы установили петли таким образом, чтобы жертва, попав туда не могла выбраться, а была обречена на дальнейшее затягивание веревки вокруг шеи. Даже для рыб помимо удочек пришлось мастерить ловушки. Она основывалась на страстном желании обитателей реки в ночное время подняться в мелководье на поверхность в поисках пропитания.

По дну, на которое они опустятся после набивания животов обидой и разочарованием, мы проложили камни и бревна таким образом, чтобы легко было заплывать, но не столь просто выплыть, хотя на счет эффективности поднимался вопрос. При улыбке удачи дичь необходимо обескровить и выпотрошить, набить можжевельником или крапивой и положить в погреб лесника. Сам в дикой природе я бы ни за что не справился. Ева и вправду стала для меня ангелом – спасителем.

Три раза за день я должен был осматривать все ловушки. Уже спустя сутки я наткнулся на окровавленную первую жертву. Этот заяц буквально пронзил меня тем острым клином, на который он сам наткнулся при падении в яму. Только тот, что прошел сквозь меня, был острее. Он не имел осязаемой формы, но был куда страшнее. Он способен проникать в душу, оставляя за собой рваную рану, без видимого увечья для плоти. Человеческой жестокости нет разумных пределов. Ради своего существования человек способен уничтожить саму жизнь. Страшные инстинкты живут в глубине нас. Они просыпаются в часы страха и безысходности. Человек жалок по своей природе. Он возводит вавилонскую башню, на вершине которой устанавливает моральные устои и высокую духовность. Но стоит только страху начать штурм башни, как на ее защиту бросают все, что с такими яростными доказательствами о незыблемости воздвигали на вершину. Правда, и сам человек спускается к подножию своего творения, где его ожидают самые низменные животные позывы.

Рвотный рефлекс отработал в штатном режиме, когда я попытался первый раз достать тушу зайца со дна ловушки. Второй раз только с трудом можно назвать попыткой перебороть естественный импульс изнутри наружу. И только с третьего раза я крепким хватом схватился за обвисшие уши и холодные лапки. В этот самый момент я понял, что происходит со мной. Ведь это жертва, которую я приношу богине, которая однажды заговорила со мной сквозь стену. Даже стена выступила в роли физического препятствия, а скорее всего в виде целого лестничного пролета между нашими положениями в обществе. Перезапуск франшизы «Красавица и чудовище» в современной обработке.

Мою ненависть к самому себе ослабил вкусный ужин. Так часто бывает, что еда заглушает крик изнутри, хотя бы на время перекуса. Со временем, поимка, разделка и готовка стали для меня обыденным мероприятием, к которому я относился как к должному. Человек способен привыкнуть ко всему. Это самый устойчивый паразит на Земном шаре, даже когда он идет против себя самого. Истребление себе подобных газовыми камерами, бытовыми свалками или кровавой диктатурой не приводит к вымиранию народностей, а наоборот провоцирует рост популяции.

Мы с Евой построили идиллию в лесной глубине, вдалеке от общества, только здесь имеется прочный для нее фундамент. Мы открыли новую страницу Бытия и погрузились на борт деревянного судна, способного избавить нас от пороч-

ного мира. Это наш побег из матрицы и Шоушенка одновременно. Это наша жизнь с чистого листа. Это чистая настоящая любовь.

Первый раз я признался в любви Еве в первую же ночь, когда мы твердо решили жить в доме ее деда. Под покровом темного небосвода я нашептал на ухо то, что зародилось во мне при первом взгляде. Я не мог это сделать днем при солнечном свете, так как был слишком труслив. Любовные дела всегда жаждут геройства. Я бы не справился один, мне нужен был союзник. Как и в ту ночь, когда я встретил Еву, мне помогала ночь. Лежа на импровизированной кровати из веток, листьев и купленной простыни, обнимая девушку моей мечты со спины, я прошептал признание на ухо, как будто скажи я это громче, вся магия этих слов раствориться в складках ушных раковин. Сознавшись во всем, я онемел в ожидании ответной реакции. Должно быть Ева не тянула с ответом, но мои ощущения расторгли связь со временем. Когда секундная стрелка прошла полный цикл оборотов по полю циферблата, проградуированного до бесконечности по заказу моей трусости, обладательница эталонной красоты обернулась ко мне. Даже сквозь темноту я разглядел эти правильные формы лица и ярко выраженные скулы. Наши взгляды встретились и слились воедино. Мои болотисто-зеленные очи буквально были поглощены бесконечно темными глазами. Больше всего привлекала та самая загадка, которая спрятана где-то в самой глубокой потайной комнате зеркала души. Даже

небольшой еле заметный закругленный шрам на ее правой брови стал для меня необходимым символом красоты. После серьезного взора, напугавшего меня не на шутку, появился далекий намек на улыбку, выложенную манящими полными губами. Я не успел опомниться, как уже почувствовал ее горячее дыхание. Запах ее тела – это краеугольный камень на пути к парфюмерному совершенству.

– Я тоже тебя люблю – после этих слов меня парализовало. Мурашками по всему телу пробежался отказ всех органов за счет недоверия происходящему.

Сладкий вкус ее губ уничтожил последние клетки мозга, которые оказывали хоть какое-то сопротивление потоку эндорфинов. Неистовое возбуждение от интимной близости первой за мое существование подсобило моментальному оголению. Инициативу пришлось брать Еве ввиду неопытности партнера. Избыток наслаждения и страстных порывов разносились эхом среди одиноких деревьев, пробуждая похоть даже среди самых благочестивых млекопитающих. Истязая плоть, мы залечивали душевные раны. Мы дарили любовь не только друг другу, но и всему миру.

Выбор

Даже самые лучшие истории порой обрываются на ужасных обстоятельствах, делящих жизнь на «до» и «после». В оправдание судьбы, хотелось бы верить, что такого хода событий мы заслужили, но вера колеблется, все глубже погружая меня в пучину сомнений.

Выбор сам по себе не имеет никакой ценности, куда важнее его последствия. Только лишь за результат придется расплачиваться. Порой плата так высока, что даже опустившись на дно собственного кошелька, не удовлетворив тем самым надоедливых коллекторов, приходится закладывать единственное, что осталось – свою жизнь. Я был готов расплатиться на месте в тот самый день, там далеко в лесу. Моя готовность не иссякла и по сей день. Повернув бы время вспять я бы не задумываясь заключил договор купли-продажи с Люцифером, лишь бы исправить собственную ошибку.

Как обычно я шел по маршруту осмотра ловушек, не подозревая что потерял статус хищника. Я услышал два детских голоса, наполненных как положено в эти годы беспечностью и любопытством ко всему происходящему. Пригнувшись за бугром, я попытался на звук определить направление мальчишек, зашедших так далеко. Тихая и спокойная жизнь научила меня прислушиваться к тем вещам, на которые обычно не обращали внимания. Но когда я подтвердил свои домыслы визуальным наблюдением, я потерял себя. Что-то большое, гораздо больше, чем сердце, начало провоцироваться внутри моей грудной клетки. Эта боль буквально изнутри разрывало легкие, от чего я не мог глотнуть воздух. Ноги подкосились, а руки перестали слушаться, ударившись в безумный дикий танец, оттачивая глупый несуразный ритм. Как психически неуравновешенный, жертва самого плачевного из всех диагнозов, я открыл рот и дергал им

как рыба на суше. Я не мог ничего поделывать с самим собой. Кто-то другой управлял моим телом, я потерял контроль. Последняя битва велась за разум, но горький привкус поражения уже назойливо омывал мои десна.

Я понимал, что путь мальчишек лежит через ловушку, которую я вырыл не для них, но для себя. Оба невиновных в моих душевных терзаниях были подвержены угрозе их жизни, а если кто-то и спасется, неминуемо оставшись калекой, то я не смогу его отпустить, ведь тогда начнется охота на нас. Я не смогу пережить расставание с Евой. Остановить я их тоже не мог. Кто-то из взрослых наверняка мог заинтересоваться рассказами про лесного Робинзона. Я почувствовал, как остро встает вопрос о жизни и смерти. Как и положено, он застал меня врасплох. Жизнь мальчишек, повышало вероятность далеко не самого счастливого конца совместной жизни с моим идеалом. И только смерть свидетелей счастливой жизни могла ее сохранить. Подобно весам, которые не способны находиться в равновесии, я метался из одного состояния в другое: убить и выжить или умереть с чистым сердцем.

Когда до принятия решения оставались считанные минуты, сложившаяся ситуация буквально раздавила меня. Я лежал не в состоянии принять хоть какие-то меры. Мой слух предательски усилился. Счастливый переливающийся детский смех стал эхом отражаться внутри головы. Я закрыл глаза, но все равно видел их улыбки. Я просто ждал.

И только теперь спустя столько время я понял, чего именно я ждал. Я ждал ее. Ждал всю свою жизнь. Ждал в этот момент. Я не могу ее потерять...

Я был уверен, что это извергали свое недовольство боги. Грохот и крик двух тысяч сумасшедших заполнили лес. Страх, который чувствовался в воздухе проник в молодые сердца. Шум нарастал. Казалось бы, весь лес принял участие в этой игре. Деревья топтали, ветки звенели листьями, а звери визгом исполняли боевой клич. Я услышал крик ужаса и удаляющиеся шлепки ног по сухой земле. Мальчишки спасены ценой обмана и страха.

Я набрался мужества, чтобы выглянуть из-за своего укрытия и поблагодарить спасителя невинных душ, но я никого не увидел. Неужели я планомерно схожу с ума?

– Бу-у! – на меня напрыгнуло сзади нечто столь ужасное, что, невольно поддавшись страху я крикнул, как маленькая напуганная девочка. Подскочив на ноги, я уже практически ринулся вслед за уцелевшими детьми.

Это очень сильно рассмешило Еву, и она сняла маску, сшитую из шкур разных животных, которых нам только удалось поймать: заяц, белка, дикий кабан, косуля и всего лишь несколько раз лиса.

– Я готовила этот наряду же давно. Хотела тебя напугать – но даже в данной ситуации это получилось – а я и не знала, что ты такой трусиха! – девушка громко засмеялась. Ее смех вернул меня к жизни.

Я был счастлив, что эта девушка меня спасла, уже второй раз. Я в неоплатном долгу перед ней.

Все, казалось, закончилось хорошо. Выбор был сделан, но, как я уже говорил, скоро нагрянут последствия.

Скрытая жестокость

Этот вечер был особенно теплым. Южный ветерок, который то и дело срывался, нежно ласкал локоны ее волос. Ева закрыла глаза и глубоко задумалась. Степень погружения в мысли можно было определить по улыбке, которая внезапно пропала.

– Ты бы и правда дал им попасться в ловушку?

Мы лежали возле костра на импровизированном лежаке и рассматривали звезды в поиске пристанища двум сумасшедшим. Здорово было бы поселиться на вон той далекой светящейся штуке, чтобы нас никто и никогда не нашел. Хотя, человек та еще зараза, вечно лезет туда, где его не ждут.

– Я не знаю – выкинул в воздух я свое вранье – я думал о тебе, о нас. Останови я их, и... и последствия могли бы быть непредсказуемыми. Нас могли разлучить – почти шепотом я закончил свое глупое оправдание. Еще никогда я не врал Еве, и чувство от этого было отвратным.

– Антош, но ведь тебя самого посадили в клетку, хотя ты не считаешь себя виноватым. Наказание без вины! Зачем порождать несправедливость?

Я не знал, что сказать. Я был подавлен. Чувство, что мой идеальный мир первый раз пошатнулся, пробудило тревогу.

Я повяз с головой в своих утопических бреднях и не видел сущность происходящего. Я слепо защищал то, что сам никогда не видел.

Я уставился в звезды в надежде найти там ответ, но облака предательски затянули небо, а ветер резко поменял направление. Тогда мне оставалось только молчать. Врать я уже физически не мог, а сказать правду был не в силах. Это больше меня.

– Пошли в дом, здесь холодает – Ева засыпала огонь землей, а я наблюдал за ее игривой походкой.

Тяжесть недосказанности заполнила воздух. Неужели она считает меня жестоким? Ева как-то сказала, что на жестокость способны только слабые люди. Мне стало душно. Я больше не смогу ничего изменить. Облака плыли по темному небу, как моменты нашей жизни: скоротечно и без остановок, а мы в этой жизни всего лишь наблюдатели. Для достижения счастья нужно сделать тысячи трудных шагов, но достаточно одного шага в сторону, и все труды превращаются в пыль. Я оступился.

Когда я зашел в дом, то девушка, которой я недостоин, уже лежала в кровати. Я лег сзади нее и обнял изо всех сил. Она невольно охнула, но ничего не сказала. Я знаю, мы любим друг друга, потому в ту ночь она поделила мое горе. Молча, без упреков взяла половину и взвалила на женские плечи. Я долго сопротивлялся, пытался выставить себя в ее глазах героем, но, кого я хочу обмануть? Мне и правда стало

легче...

Последний поцелуй

Обычное утро. Я встал вместе с Евой с восходом солнца. Пока я ходил за водой к руднику домохозяйка разожгла огонь и поставила котелок с гречкой на подставку. Мы позавтракали, несколько раз страстно поцеловались, и я двинулся по маршруту просматривать ловушки. Все-таки что-то особенное было в начале этого дня. Вопреки тому, что предыдущий день, и тот, который был неделю назад абсолютно идентичны по своему графику, все утро было пропитано тревогой. Она исходила откуда-то изнутри. Было трудно понять ее природу, но ее сущность была неоспорима, она наполнила каждый грамм кислорода поступающего в органы дыхания и далее распространяющегося по всему организму. Даже поцелуй выходил таким жадным, будто бы последний.

Очередная ловушка оказалась пустой. Ночью мне приснился сон, будто те самые мальчишки все-таки наступили на маскировочный настил смертоносной ямы. Я пытался изо всех сил, но был слишком медлительным, слишком тихим, слишком слабым. Но когда я подошел посмотреть на смертоносное сооружение, то там внизу на острых кольях увидел одно окровавленное тело. Его изуродованный облик был знаком, но память мучительно издевалась надо мной, не давая вспомнить, где я мог видеть этого человека. Каждая попытка вспомнить сопровождалась колким ударом по всему телу в

тех местах, где была ранена жертва. И вот сейчас, когда я уже наяву заглянул туда, то осознал, чье лицо мне приснилось. Там внизу лежал я. Окровавленный, но все еще живой. На меня ведется охота! Я теряю силы. На мой след уже напали!

– Ева-а-а-а! – раскатистый вопль просвистел между деревьям.

Они схватят ее! Надо бежать! Я как будто во сне не могу ускориться. Все мои попытки набрать скорость заведомо лишены смысла. Мне не выбраться из собственноручно вырытой ямы.

Я очнулся уже ближе к вечеру. Что произошло, что я так быстро отключился? Мне было чертовски больно дышать. Сил едва хватило, чтобы привстать, облокотившись на дерево. А ведь я мог рухнуть прямо в яму и лежать там в той же нелепой позе как во сне.

Опустошенный, как и ловушка, я двинулся домой. Мне хотелось обнять Еву со всей силы и не отпускать. Почему нельзя провести всю жизнь в объятьях? Стоп! Что произошло пока я был без сознания? Почему тревога, от которой не мог избавиться все утро, теперь куда-то пропала? Надо же было рухнуть прямо сегодня. Видимо беспричинный страх, который вцепился в меня с восхода солнца так глубоко вошел своими клыками в плоть, что поднял со дна моей сущности плохо спрятанную личность лузера, неспособного в борьбе с судьбой перехватить инициативу.

Я приближался к дому. Столь нужное слово для человека

– дом. Одним своим звучанием оно способно породить тепло в глубине души. Дом – это одно из проявлений любви, возможно, даже самое лучшее из всех ныне существующих. Именно его наличие дарит далекому путнику надежду, которую он способен пронести через болота и грязь, через обман и ненависть, через угнетение и несправедливость, и все ради того, чтобы хотя бы еще один раз ощутить всеобъемнейший жар очага.

Я спотыкнулся и рухнул лицом в землю. Было трудно встать. Я представил, как Ева сидит на крыльце, зашивая мою футболку, порванную на прошлой неделе. Я как будто подходя к дому сбавляю шаг и прячусь за забором таким образом, чтобы, оставаясь невидимым, мог продолжать свое наблюдение. Ее тонкие пальчики так умело справляются с работой, что в моей голове заиграл Этюд Ор. 10 No. 4 Шопена. Красные наливные губы подергиваются в ритме какой-то неслышимой песни. Сколько бы моих поцелуев не обрушилось на них, все-равно я не мог насытиться. Ветер подул в мою сторону, а я застал самого себя за глупой попыткой ухватить ее дыхание. Между нами – метров 20 не меньше, а я как дурак шмыгаю носом.

Не в состоянии больше терпеть искушение далеко не святой Антоний чуть ли не в припрыжку преодолевает забор и устремляется к объекту обожания. Я схватываю те самые руки аристократки и принимаюсь наносить на них точечные удары своими губами. Девушка вскрикивает от неожиданно-

сти и тут же проливает смех от удовольствия. Ее часто веселило мое преклонение, что же касается меня, то я готов был весь мир поставить на колени, лишь бы еще раз услышать ее смех.

Как верный пес, протерев свою шерсть до кожи об ноги хозяйки, я дожидаюсь своей награды. Поцелуй! Поцелуй, который начинается с нежного прикосновения губ, а продолжается страстным изнеможением от неистового желания. Она вплетает пальцы правой руки в мои волосы, постепенно сжимая их в кулак, а левой – обхватывает шею, притягивая мою голову все сильнее и сильнее к себе. Я закрываю глаза, но все равно вижу ее перед собой. Ева не покидала меня даже в дремучих думках. Я с любопытством голодного по сенсорным открытиям звездочёта рассматриваю каждый миллиметр ее лица. Я изучил эту небесную карту к совершенству наизусть, но все же не был сыт. Плавно руки переходят черту дозволенного. Ева вливается в мою шею, зная при этом, что это моя личная доза наркотика. Обездвиженный от высшей категории наслаждения я все-таки нахожу в себе силы подхватить сидящую на пороге дома девушку, чтобы перенести процесс получения удовлетворения в ложницу. Последний кусок самый сочный...

Я лежал в лесу и рыдал. Мне было трудно встать. Я знал, что уже все кончено, и во всем моя вина, но мне за нее не расплатиться. Если когда-нибудь сможешь – извини меня... Ева...

Разлука

К ночи поднялся ветер, и сейчас он пронизывал меня насквозь. Я смог подняться и уже медленно шел домой, но мерзкий морозящий дождь буквально за пару секунд после первой капли воздвиг труднопреодолимую водяную стену. Каждый шаг, сделанный против сил природы, сопровождался хлесткими острыми ударами по щекам. Лес буквально взревел под чутким руководством, внезапно настигшим меня шторма. У меня возникло дикое желание зареветь на всю округу, подобно волчьему вою. Необъяснимое восприятие трагедии с любимым человеком без каких-либо намеков на происходящее лишней раз доказывает, что любовь плевать хотела на все земные законы. Она, как хорошая девушка, неподвластно ни пространству, ни времени, ни объяснению.

Я вспомнил тот самый вечер, когда мы с Евой вместе бежали. Тогда тоже шел дождь, но в тот раз он оберегал нас от преследователей, сейчас же дождь потерял благую цель. Он как будто наоборот намеренно мешал мне, раздавая хлесткие пощёчины. В такой холодный вечер жизненно необходимо обнимать дома близких. Подобную роскошь я променял на поиск успокоения, хоть я и пытался успокоить себя, что это необходимо для нас двоих. Думаю, Ева с ее жизненной силой, из которой сочится самый сладкий сок в этом мире, счастье, смогла бы выкрутиться из самой непростой ситуа-

ции, но она ждала меня. На меня была возложена надежда, которая явно больше меня. Ожидание, вот что может со всей силы ударить по нахальному чувству контроля. Затем следует возврат в реальную жизнь из состояния мечты о справедливости и честности.

Страх можно обрести по-разному. Это как палитра красок, для получения одного конкретного цвета следует смешать несколько других, и подобных вариантов несчетное количество. Вот только получается он не из оттенков, а из чувств. Я услышал крик, который сочетал в себе самую страшную смесь страха: отчаяния и безнадежность, отдававшего ядовитым послевкусием. Нотки приторного отчаяния просочились прямым ко мне на язык. Вкус был настолько ужасен, что в работу включился рвотный рефлекс, отработав в штатном режиме. Даже глухой, я бы ни за что не смог спутать ее голос с другим. Он пробрался ко мне через мерзкую занавесу воды и голые холодные деревья, так что я не имел никакого морального права сомневаться, что голос принадлежит ей. Я ринулся на звук. Больше не кричит! Что произошло? Страх постепенно окутал меня. Он подобно питону сжимал со всех сторон. От бессилья потекли слезы. Ты же хотел реветь, вот тебе и повод!

– Ева-а-а!

Я отказывался верить, что что-то может произойти. Все было слишком идеально, чтобы кто-то решился на уничтожение. Какой идиот способен на уничтожение Эдема? Толь-

ко разве что человек! Я уже на пол пути к дому приготовился к мести. Сомнений больше нет! Случилось непоправимое! Еву схватили.

Ворвавшись в дом, я почувствовал резкий толчок в спину. Полиция не жалела своих сил и даже ног, которыми удерживали меня на полу. Я дергался на полу неумело изображая бунтарский пыл вопреки здравой идеи, что сопротивление бесполезно. Я боялся, что Ева увидит, как я сдаюсь, и это ее огорчит, поэтому я брыкался как полный идиот.

– Ева-а-а! – крик души был настолько пронзительным, что мне в рот вставили кляп.

Они выследили нас, благодаря тем самым двум засранцам, которых надо было направить напрямиком на заточенные колья. Будь моя воля и вернуть все обратно... Неужели, я бы и правда их убил?

Признание

– Доброе утро, Антон! – Альберт зашел ко мне в палату, где при моем отсутствии провели косметический ремонт, замуравав напрочь переговорное отверстие и поставив решетки на окна. Да, а также благополучно спилили дерево, которое столько времени сохраняло мое убежище в тени от всех, теперь же я словно посреди проходного двора постоянно овеян щедрой порцией солнечных лучей. Такой нагруженный трафик посетителей ни я, ни одна из четырех стен еще никогда не видели. Можно ли похвастаться, что я стал местной селебрити?

Что и говорить о моем положении, которое основывалось на недоверии со стороны медперсонала. Тотальный контроль, которому бы позавидовал Большой брат Джорджа Оруэлла. Я не мог доверить новый план побега даже собственному отражению.

– Вам не стоит на меня злиться, лучше бы вам поскорее начать разговаривать с лечащим врачом, иначе пропишут сильнодействующие препараты. Я категорически против такого лечения, но не могу на это повлиять, поймите. Вы теперь на особом счету, а я каждый день докладываю главврачу о результатах принятого курса терапии. Кроме того, ведется расследование назначенной комиссией. Главврач не может успокоиться, она хочет точно знать ответы на все вопросы. Возможно, нас скоро разлучат. Не стоило было вам это заговаривать.

– Особый контроль? – я смотрел в изуродованное стальными прутьями окно, повернувшись спиной к говорившему.

– Вы единственный, кто сбежал из больницы за последние лет 20.

– Нас было двое, и вы это прекрасно знаете. Я бы один не справился – поскромничал я.

– Антон, прошу вас пойдите прогуляемся по саду. Вы две недели уже сидите безвылазно. Нам надо с вами кое с чем разобраться. Пришло время, больше тянуть нельзя.

Каждый день я начинал с того, что тонул в собственной печали. Я погружался на самое дно в попытке отыскать там

утешение, но отыскать его я так и не смог. Вместо него я находил лишь отчаяние, чье влияние настолько опасно, что постепенно привыкаешь к глубине, и сил всплывать больше не остается. Для меня вся жизнь заключалась в нахождении рядом со мной одного человека. Без Евы я медленно и мучительно погибал. Она и есть моя жизнь. Я прикоснулся к источнику красоты, призирая собственный изъян. Я не достоин ее, но моя мечта позволила приблизиться к ней на расстояние поцелуя. Не вижу смысла жизни без нее.

Я пошел с доктором то ли из-за нежелания созерцать наплыв псевдоврачей в мою палату, то ли из-за того, что, действительно, хотел хоть на какое-то время избавиться от ужаса, в котором коптилось мое сердце. Разлука изъедало сердце, а боль сводила меня с ума.

Мы долго ходили по больничному саду и не проронили ни слова, видимо Альберта уже научили держать рот на замке в подобной ситуации, а я не желал говорить с кем-либо в белых халатах, иначе любое мое слово будет непременно направленно на неистовое обожание Евы, а никто не имеет права даже слышать о ней.

Альберт предложил присесть на лавочку. Я чувствовал отстраненность от всего окружающего. Я уперся взглядом в траву под моими ногами и пытался хоть там найти значимую причину, по которой мы не можем быть с Евой вместе.

– Антон, расскажите пожалуйста о вашей спутнице, как ее звали? Кажется Ева?

– Ева! – процедил сквозь зубы я, после чего, думаю, врач точно запомнил ее имя.

– Так вот, Ева. Можете ее пожалуйста описать?

Я все еще изучал до мельчайших подробностей зеленый покров под ногами, а глупый вопрос породил страх. Смогу ли я в точности описать Еву? Что, если я забыл, как она выглядит? Меньше всего на свете я хотел отдать ее образ забвению. Только воспоминания удерживали меня на земле.

– Кем она могла быть для меня? Вы ведь и сами ее наверняка видели, сами все должны понимать! Обычно такие как она никогда не обращают внимание, на таких как я. Ева – птица другого полета, а я и крыльев до встречи с ней не имел в принципе. Видимо, она и вправду немного была не в себе, ведь такое клеймо вы тут ставите! А для меня она была всем: воздухом, которым я дышу; светом, который я видел; мелодией, которая ласкала мои уши; в конце концов, она была любовью, которую я не заслужил... – по моим щекам потекли слезы. Будто бы капли воска, они обжигали мои щеки – а самое обидное – ваше молчание. Вы не говорите, что с ней, где она – я не мог говорить громче шепота, так как дыхания едва хватала. Я задыхался – хотя носите халат и эту никчёмную бирку на своих глупых рожах, которая предназначена для малостоящего общественного мнения. «Моя профессия – помогать людям», но эти слова выгравированы кровью тех бедолаг, которые ежедневно мрут, так и не дождавшись помощи! Болен ли я? Болен! Но я болею самой прекрасной за-

разой на всем свете. Я влюблен!

Я повернулся всем корпусом к Альберту с молниеносной скоростью. Кажется, доктор напряг мышцы, но рукой едва заметно отмахнул двум санитарам, которые явно поджидали где-то рядом:

– Я умираю, Альберт! Так помогите же мне! Наплевать, чего хочет главврач, ваше руководство, коллеги, общество и даже охранники с уборщиками! Поступите по зову вашего сердца...

Между нами, на лавочку втиснулся еще один персонаж. Молчание казалось чем-то столь существенным и тяжелым, что можно было дотронуться до него рукой. Если бы молчание было осязаемо, то явно бы имело нахальный вид.

– Антон, послушайте меня пожалуйста очень внимательно. Это больше не может продолжаться – единственное, с чем я не посмел поспорить за сегодняшний день. Наглядным образом прорисовывается прогресс – Мне очень жаль, что придется вам это сказать, так ведь и другого выхода вы мне не оставили...

Как обычно бывает в минуты сильного напряжения, мысли о самом плачевном варианте событий поражает воображение. Слова Альберта повлекли за собой холод по всему организму. Что-то случилось с Евой. Я не мог усидеть на месте. Все тело как будто бродило изнутри. Единственное, что неумолимо оставалось неподвижным, так это глаза. Я впился, как жадный вампир после долголетней голодовки, в лицо

Альберта. Его мышцы напряглись, как в последнем прыжке загнанной жертвы. У доктора был лишь один верный шаг, ослабляющий хищника, и он сделал его.

– Евы больше с нами нет...

– Вы убили ее – сдавленное горло выдавило глухой стон.

– Нет, Антон, нет! Точнее ее вообще никогда не было!

– Вы убийцы – ненависть способствовало резкому возврату силы в трехкратном размере. Выстрелом в голову меня сразила ненависть к моему окружению.

Я больше не хотел его слушать, я знал, что после признания полюбуются оправдания.

– Антон, послушайте! Вы больны! Евы не было, это плод вашего воображения!

– Вы убили ее! – вот он, пронзительный крик срывающейся истерики. Я жаждал мести!

– Будьте разумным человеком, вам необходимо принять эту правду!

– Нет! Вы убили Еву! Да как вы могли?! – я привстал со скамьи. Глаз за глаз. Смерть за смерть.

– Постойте! Вам будет только хуже. Вам следует как можно быстрее это принять. Ева неживой человек, вы никогда не встречались. Этого просто не могло быть.

Разве я мог слушать этого забитого жалкого человека? Это его никогда не было. Он ненастоящий человек, раз так боится жить. Я был глух! Желание раскромсать ему череп, лишь бы он заткнулся со своей «правдой» все больше овла-

девало мной. Мои кулаки были сжаты настолько сильно, что костяшки приняли бледно-белый цвет. Но мы были не одни. Как только я попытался ударить Альберта на меня накинулись амбалы в белом и скрутили. Уроды, вам тоже достанется! Как только мое тело подняли с земли, доктор подбежал ко мне и обняв за шею прижал к себе. Я попытался укусить его за плечо. Я вцепился в плечо, вонзив единственное оружие возмездия, которым мог орудовать, но кроме сжатого писка не последовало никакой реакции.

– Выслушайте внимательно, Антон, это вам должно помочь! – он говорил очень быстро, так как боль, которую я передал ему через укус уже охватила его сознание – Ева не могла с вами бежать, она не могла даже быть вашей соседкой, посмотрите сами! Откройте же наконец-то глаза, пожалуйста – нота жалости не к самому себе, а к моему положению в последнем предложении, задело какую-то струну внутри меня. Наверное, стоило бы свою злобу направить на другого, кто, действительно, виноват. Мой поступок был слишком опрометчивым.

Почему я так быстро отошел от состояния свирепого мстителя? Альберт сказал мне посмотреть в сторону дуба, а значит могу увидеть что-то, что направленно на колебание моей веры. Я боялся.

Я разжал челюсти, а слезы не прекращали литься из моих глаз. Я взглянул на Альберта, и он тоже рыдал. Доктор держал мое лицо руками, поджал губы и кивнул в знак готов-

ности, но я этого не хотел. Он повернул мое лицо в сторону дуба, на который я постоянно смотрел с этой самой лавочки. Мой самый дорогой друг, оказавший помощь в ту счастли- вую дождливую ночь, но так горячо расплатившийся за это. Тот самый великан, чьи ветки прикрывали угловую сторо- ну Г-образного здания, и в особенности мою палату, он был спилен чуть ли не под основание. Столько лет его листья ра- довались первым теплым лучикам весны, пока какой-то са- мовлюбленный прямоходящий мешок с помоями не решил уничтожить целую историю. Когда я поднял глаза выше жал- кого пенька, мое сердце начало издевательски избивать груд- ную клетку. Мое нутро в буквальном смысле за доли секунды нагрелось до температуры плавления. Пожар, разгоревший- ся внутри, потушить не удастся даже ночным запойным ре- вом. Я впервые увидел свою палату снаружи. Угловая комна- та, стена которой являлась торцевой. Они уничтожили все, что могло, хоть как-то связать с Евой.

– Не-е-ет! Как вы могли? – последняя попытка Альберта втянуть меня в свою игру провалилась с истеричными воз- гласами на всю территорию больницы и даже далеко за ее пределами – вам не победить ее! Все это сделано специаль- но! Предатель!

Я плюнул на врача и попал прям рядом с окровавленным слепком моей челюсти. Альберт лишь на секунду закрыл гла- за, пытаясь сдержать слезы, но их напор был слишком силь- ным. Я плакал от отчаяния, а он от сожаления.

Заточение

Как они смеют говорить, что Ева ненастоящая? Я закрываю и вижу ее. Я чувствую любовь пальчиками пальцев. Мы вдвоем с ней гуляем по лесу, а я ощущаю ее нежную кожу, ее взгляд, который буквально ласкает мои волосы. Так как она может быть плодом фантазии? Разве человек способен любить что-то ненастоящее?

Я не мог спать. Лежа на кровати под успокоительными, я всматривался в потолок в никчёмной попытке хоть там найти ответы. Периодически просыпался шорох за стеной, но он был настолько далек, что был едва улавливаемым. Зачем им надо было пилить дерево, проводить перепланировку больницы? Что они хотят от нас с Евой? Где сейчас любовь и смысл моей жизни? Страдает ли она? Неужели нельзя нас оставить в покое?

Пролежав целый день пристегнутым ремнями к кровати я наконец-то почувствовал свободу, когда Альберт в обход указаний сверху освободил меня. Расстегивал ремни конечно же не он сам лично, доктор видимо еще боялся меня, это делала та самая медсестра, с которой у нас была какая-то там договоренность. Но я знал, что врач стоит у входа в палату, он все контролировал. А я в тот момент не мог даже повернуться к нему, так как был напичкан таким количеством «медицинского чуда», что не смог бы и задницу себе подте-

реть. Все вернулось на свои места: я все такой же жалкий терпила, не способный заявить об угнетающих меня факторах, а любовь так далека от меня, что кажется будто ее не существует. Мысль как паразит медленно, но, верно, поедала меня изнутри: мы больше никогда не сможем встретиться с Евой. Они, противное во всех пониманиях общество, не допустят этого. Как стая жалких антилоп, готовых затоптать любого, кто спотыкнулся, социальная среда избавляется от «нежелательных элементов». Я и одна прекрасная девушка просто были другими, но нас растоптали. Кто вообще может судить о нормальности? Кто провел эту параллель по одну сторону, которой находятся люди, а по другую предки обезьян? Почему мы свято верим в идеалы подобного рода? Если это современный мир, то я не желаю в нем оставаться. Он мне противен не только как среда обитания, но и как сам факт его существования.

Я сознательно разжигал огонь, тепло от которого придавало мне силы. Действие нейрорептиков ослабевало. Я чувствовал, как ко мне приближалась Ева. Шум становился все более реальным, он нарастал. Кто-то там за стеной по какой-то причине рвался все ближе ко мне.

Непослушные руки все-таки смогли стянуть покрывало с уже заведомо холодного тела. Я обмотал оружие убийства вокруг шеи и начал потихоньку стягивать. Говорят, что самоубийцы в последние минуты, как никогда чувствуют острое желание жить, но, когда узел все туже и туже затягивался,

я ощущал свободу. Понимание, что еще один день вдали от Евы принесет мучительную боль в душевной глубине, стало решающим фактором моего скоротечного ухода. Я должен как можно скорее покинуть сборище баранов, так ревностно отстаивающих власть пастуха. Мир, где мнение соседа главенствует над собственным, а отсутствие модного принта на футболке приравнивается к нанесению незримой бирки «аутсайдер», мне не привлекателен. Лучше буду существовать в собственной Вселенной, где единственным нерушимым законом является любовь... Я люблю тебя...

Диагноз

– Вот такой писательский талант вдруг неожиданно был обнаружен у одного из наших пациентов – дочитав до конца главврач кинула исписанную мелким почерком толстую тетрадку формата А4.

– Оказывается, это мы виноваты во всех этих бреднях! – некрасивая женщина, по отношению к которой годы оказались беспощадными, властно нависла над столом, опершись двумя кулаками.

Все остальные, опустив головы вниз, сидели вдоль длинного стола, боявшись перечить строгому начальству. Альберт сидел на углу как можно дальше от самого опасного существа на свете – злой женщины. Поэтому он и чувствовал связь с Антоном, они оба были неуместными среди себе подобных.

– И как же нам с этим справиться, а? Не подскажите, гос-

подин лечащий врач? – издевательская интонация заставила всех участников показательного суда уставиться осуждающим взглядом на Альберта. Тот робко поднял голову и сжал крепко кулак с вырванным листом. Он выдержал. Смотрел прямо, хоть и дрожал. Если бы он сдался, то значит, что поступок пациента ничему не научил. Смерть не может быть напрасной, иначе сама жизнь теряет всякий смысл.

– Самое интересное в этом то, что человек, написавший эту галиматью, ни разу за всю свою осознанную жизнь не был за пределами нашего заведения. Как, скажите, мне мог создать подобное пациент, который у нас на лечении с самого детства?

Из всех присутствующих только Альберт знал ответ. Антон не мог смириться с собственным существованием. Четырех стен и лавочки в саду ему было мало. Есть люди, которые только и живут, что, расширяя свой мир, наполняя его эмоциями, чувствами и любовью. Он был из таких. Его угнетали любые границы, поэтому в силу физической невозможности их преодолеть, он создавал собственный мир, даже не один, а сотни. В одном из таких и поселилась Ева. Антон всегда писал о любви. Он сочинял красивые истории и искренне, как ребенок, в них верил. Возможно, потому что у него не было детства. Сколько раз Альберт возвращал своего пациента в реальность, и каждый раз он встречал слезы и разочарование. Вот однажды он и решил позволить уйти Антону туда, где ему будет лучше. Доктор искренне верил, что даже

таким людям найдется место, где те могут спокойно жить. Может все было бы совсем неплохо, если бы не вмешательство извне. Главврач не понравилось то, что Альберт потакает больному, но было слишком поздно. Антон всегда писал о любви, и это была лучшая его работа.

Альберт задумался, и когда нарастающая тишина стала слишком тяжелой он посмотрел на коллег, в то время как те в очередной раз уставились на него.

Главврач, осознав, что подчиненный прослушал вопрос, решило коротко и ясно его повторить без каких-либо изощрённых эпитетов:

– Диагноз! – прорычала бесконтрольно стареющая женщина.

Альберт поднялся со своего места и направил взгляд приставкой в глаза дьяволу местного круга ада:

– Одно лишь знаю точно – врач начал свою речь твердо и уверенно. Такого еще никогда с ним не было – это не первый и далеко не последний случай. Мы должны...

– Диагноз! – рев со проводился ударом по столу.

– Одиночество! Его свело с ума одиночество... – он вышел из кабинета громко хлопнув дверью.

Доктор вспоминал последнюю встречу со своим пациентом. Накануне суицида Альберт набрался смелости зайти в палату. Он попытался объяснить, что лучше принять как можно быстрее правду, нежели пытаться бездумно бороться непонятно зачем и с кем.

– Знаете доктор, а ведь мне было бы достаточно одной лишь вашей поддержки— это были последние слова, которые врач услышал от Антона.

Тогда Альберт не предал этим словам особого значения, и только теперь он осознал весь вложенный в них смысл. Человеку важно, чтобы в него хоть кто-то верил, иначе жизнь будет состоять из набора разбитой мечты, слез и разочарования. Такая жизнь кого угодно сведет с ума. Он знал, чем закончится эта ночь и решил не мешать своему пациенту. Все, что хотел Альберт, так это помочь, поэтому он негласным указанием отменил вечерний приме лекарств, дав тем самым возможность освобождения для Антона. По утру после бессонной ночи доктор сразу ринулся в палату, он надеялся, что обойдется, но было слишком поздно. В руках у мертвеца лежал блокнот и вырванный скомканный лист, где автор описал последний разговор с лечащим врачом.

Альберт вышел в сад и сел на ту самую лавочку. Через неделю его переведут в новое место, может там получить-ся хоть кому-то помочь. Он посмотрел прямо перед собой, именно туда, где не так давно располагался старый толстый дуб. Зачем его спилили, если Антон никуда не убежал? Дерево спилили рабочие, которых наняли для строительства нового корпуса. Вдруг на глаза попала девушка с черными, как сама ночь волосами. Глаза издалека казались темными, но сквозь темноту пробивалась необузданная тайна зеленоватого оттенка. Как-будто неким ювелиром с высокой точно-

стью по всему лицу расставлены веснушки и родинки с расчетом сотворения идеала во плоти. Девушка стояла, полуобернувшись к врачу. Кто-то ее позвал, или что-то потянуло ее за руку, тогда и поддался взору Альберта закругленный шрам над правой бровью. Откуда он мог ее видеть... Ева! Не может быть! Доктор встал, он хотел было к ней подойти, как вдруг что-то его резко остановило. Чувство, как будто что-то не на своем месте. Он посмотрел на себе, после чего резко скукожился. Мелкие мурашки молотили по всему телу. Что произошло? Чьи это глупые шутки? Альберт стоял в пижаме пациента психологической больницы. Как это вообще возможно?

– Здравствуй, Альберт!

Доктор резко повернулся, а его ноги подкосились из-за сильной дрожи в коленях. На землю плюхнулись дневник и ручка. Они вдруг стали резко тяжелеть, и Альберт не смог их удержать. Перед ним стоял до боли знакомый молодой человек. У него были грустные глаза, но он все-равно улыбался. Через боль и горечь.

Антон стоял в своем белом халате и держал в руке папку, в которой находился ненавистный им обоим список дурацких вопросов о самочувствии пациента...